

Литература:

1. Лангеймер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага, Авицenum, 1984. – 334 с.
  2. Марютина Т.М. Об использовании понятий «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. 1981. Т.2. №.1. С.145 – 153.
  3. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Дети без семьи: (Детский дом: заботы и тревоги общества). – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.
  4. Строганова Т. А., Орехова Е. В. Психофизиология индивидуальных различий в младенчестве : Современное состояние проблемы // Вопросы психологии. 1998. №1. С.128 - 145.
  5. Трошихина Е.Г. Влияние ранней социальной депривации на развитие личности. Автореф. канд. дисс.СПб., 1997, 54с.
  6. Ярославцева И.В. Депривированный подросток: личностный и психофизиологический потенциал адаптации // Дефектология. 2002. №5. С. 28 – 32.
-

*Киселев К. Л., аспирант кафедры литературы
«ВГУ им. П.Машерова», г.Витебск.*

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП «СОБСТВЕННИКА» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОЗЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Для типологического исследования образной системы послевоенной прозы Леонида Леонова важен тот факт, что у каждого из героев писателя есть преобладающее качество, черта-доминанта, так или иначе вписывающая персонаж в сюжетные хитросплетения, в идейную борьбу и искания самого автора. Именно резкая полярность доминантных качеств, моделей поведения позволяет нам выделить основные характерологические ряды леоновской прозы: герои-индивидуалисты и герои-коллективисты [1].

Каждому персонажу-индивидуалисту в творчестве Л. М. Леонова в той или иной степени присущи собственнические побуждения, алчность, жажда власти, полновесного обладания чем-то или кем-то. Но есть в послевоенной прозе писателя и герои, в которых эти свойства выражены наиболее концентрированно, являясь первостепенными личностными установками. К ним мы относим Кнышева, Василия Золотухина («Русский лес») и Николку Заварихина («Вор»), персонажей, образующих тип «собственника». Анализ данного характероло-

гического типа, определение общих (типологических) и индивидуальных качеств героев есть цель нашей работы.

Яркая выраженность ведущей черты – важный принцип изображения характеров в философской прозе Леонида Леонова. В «собственниках» данная жанровая особенность произведений писателя реализуется в максимально чистом виде: монологичная цельность образов не предполагает разнообразия душевных качеств и жизненных проявлений (исключение составляет более «широкий» характер купца Кнышева). Психологическим стержнем героев этой типологической группы является корыстолюбие, патологическое стремление «поживиться»[2, с. 145]. Личное обогащение становится для них потребностью, ощущающейся едва ли не на физиологическом уровне. «Собственники» отличаются высокими деловыми качествами: расчетливостью, трудолюбием, быстрым реагированием на изменение экономической ситуации. При этом конкуренция, напряженная торговая жизнь накладывают отпечаток на духовный мир героев, их видение мира. Понимание того, что «человек должен на земле своей прочно стоять»[3, с. 247] порождает в них жестокость к себе и другим людям: Заварихин без зазрения совести потребительски относится к невесте, Тане Векшиной, Кнышев добивается успеха, шагая «по скрюченным ревматическим спинам»[2, с. 141] деревенских бедняков, а старший Золотухин даже свою семью рассматривает в качестве «даровых батраков»[2, с. 69].

Еще одна важная черта «собственников» – целеустремленность. Во то же время Леонов подчеркивает гипертрофированное, подчас маниакальное желание героев добиться осуществления поставленных задач любой ценой, не взирая ни на какие обстоятельства и преграды: нереализованные проекты превращаются для них в «душевный недуг»[2, с. 221].

Все персонажи типологической группы «собственников» – выходцы из деревни, что обуславливает психологические и социальные ориентиры героев, их своеобразное миропонимание, базирующееся на неприятии урбанистического образа жизни. Тема противостояния деревни и города, коренного несоответствия данных укладов была затронута уже в первом романе писателя «Барсуки». Описывая тесноту, житейскую пошлость и ограниченность Зарядья (торговый район Москвы), Леонов как бы соглашается с главным героем романа Семеном Рахлеевым в том, что город губит, «ест» людей, оставляет в них совсем немного истинно человеческого. В описании Зарядья явно ощущается влияние горьковской традиции, умения Алексея Максимовича красочно и точно обрисовывать «свинцовые мерзости русской жизни» как типическое явление на пространственно и характерологически локализованном материале: жизнь рядовой се-

мы («Детство»), деятельность завода («Дело Артамоновых»).

В « Русском лесе» и, прежде всего, в «Воре» Леонид Леонов указывает на необоснованность резко негативного, «барсуковского» отношения к городу. Так заварихинская неприязнь «к его непонятным забавам и потребностям, к его древним уловкам и западням на всякую природную неукращенную вольность»[3, с. 252] является лишь неизжитой уверенностью предков в изначальной подлости, хитрости, а следовательно, и опасности города. Поэтому и срabатывает установка героя «не верить городу, даже когда в беде он»[3, с. 12]. При этом сам Заварихин оказывается в не меньшей степени эгоистичным и беспринципным в сравнении с роковыми в его сознании городскими дельцами.

В послевоенных романах Л. Леонова в полной мере выявляется тенденция к объективному отображению исторических событий, к четкой логичности и продуманности в построении характеров. Осуществляя диахронический срез с действительности, Леонов в «Русском лесе» и «Воре» с эпической широтой изображает общественную нестабильность, переход от многовековой патриархальности к капитализму, падение сословных различий в России конца XIX-начала XX веков, приведшие к реальности претензий «собственников» на владение жизнью. Бывшие деревенские мужики начинают чувствовать свою растущую силу, осознавая открывшиеся перед ним возможности. Мечта Золотухина «пройти в государственную думу..., вырваться...на трибунку Таврического дворца да гаркнуть во всю глотку холеным дельцам при манишках и перстнях, с надвое расчесанными бородками – «и мне!» – чтобы раздались, как вода от камня и поделались барышами» звучит как боевой призыв к «разграблению»[2, с. 220] страны, как утверждение примата личностных интересов над общегосударственными.

Если Золотухину лишь в грезах доступен всероссийский передел, то Кнышев – активный его участник. Деятельный купец занимается всем, что может принести доход. С неистовой яростью он бросается на леса отмирающего дворянства, так что в течение короткого промежутка времени, «по слухам» (уточнение повествователя), «вырубил полмиллиона десятин и снял зеленую одежду с трех великих русских рек»[2, с. 92]. Открытое хищничество энергичного дельца оказывается не слишком длительным: уже спустя несколько лет состояние Кнышева начинает скудеть. В эту пору и застает «старого знакомого» подросший Ваня Вихров. Сцены, наблюдаемые мальчиком, в психологических проявлениях главного участника напоминают «пир во время чумы»: предчувствуя скорый упадок, Кнышев отчаянно кутит на протяжении недели. Обратим внимание, что и внешний вид купца разительно изменяется. «Нестарый..., даже в полной мужской поре...

почти былинный молодец»[2, с. 92] становится «рыхлым и желтым» – «как соломой набили»[2, с. 144] – человеком, с поспешностью приближающим неизбежную судьбу. Развязка кнышевской сюжетной линии малоутешительна: бывший крупнейший торговый деятель превращается в нищего «пропойцу... с деревяшкой вместо ноги»[2, с. 151], выпрашивающего милостыню.

Как отмечает И.Т. Крук, «Кнышев вызывает не то, что уважение, а просто живой интерес»[4, с. 176]. Действительно, образ Кнышева более многогранный в сравнении с другими «собственниками». В купце нет лицемерия, подлости, он не скрывает своих сугубо практических целей. Тем не менее меркантилизм – как доминирующая черта характера – является далеко не единственным качеством героя. Несмотря на «злодейскую деятельность»[2, с. 97], ему свойственны и, своего рода, муки совести. «Думаешь, без меня не раскратуд ее, Расею-то? Все берут, зва, из-за моря ручищи тянутся. Как же русскому-то близ матушки не поживиться?»[2, с. 145] – оправдывается Кнышев перед Вихровым, а в его лице и перед всем русским народом. Сам факт понимания вины свидетельствует о внутренней борьбе, метаниях купца, подсознательном ощущении безнравственности своего вредительства. Подобная широта, двойственность кнышевской натуры, на наш взгляд, и становится причиной заката карьеры расхитителя леса.

Жизненное кредо другого персонажа – «собственника», Николки Заварихина, отличается рационализмом. Заварихин, по его собственному признанию, «не разводил сора в просторном ящике души»[3, с. 16], обрекая себя на заботы об окружающих, ненужные угрызения совести. Экономией душевных ресурсов пронизаны все поступки героя, что особенно заметно в его отношениях с невестой: даже трагическая смерть талантливой актрисы ни на миг не всколыхнула в Николке жилку человечности. Для него важны исключительно деловые вопросы, причем и в связях личного характера (с Таней, Митькой Векшиным) центр тяжести переносится Заварихиным в сферу денежных интересов. По саркастическому замечанию повествователя, «этот смог бы выдать расписку родной матушке с обязательством покрыть ей расходы, связанные с его появлением на свет»[3, с. 257].

Ярко выраженная оценочность сопутствует освещению образа Заварихина на протяжении всего романа. От мягкой иронии в эпизоде приезда героя в Благушу, построенной на соотношении заявленной «значительности» заварихинского облика и описания его внешности («добротные валенцы», «пленительная пестрота деревенских варежек»[3, с. 12]), автор переходит к более резким характеристикам персонажа. Заварихин, презирающий людей «как судороги недужного, недолговечного существа»[3, с. 11], вызывает в умудрен-

ном жизненным опытом Леонове лишь неприязнь, поэтому писатель отказывает герою в возможности стать «властителем жизни»[3, с. 256], а вместе с этим и в элементах порядочности и человечности, присутствовавших в 1-й редакции романа.

Деятельность Василия Золотухина не настолько масштабна, как у Кнышева или Заварихина. Его возможности и потребности в большей степени ограничены. Понимая это, Золотухин не стремится завоевать город, «выйти в шуки всероссийского значения»[2, с. 141]. Ему достаточно элементарного накопительства, что проявляется во время посещения «опорного бастиона российской коммерции на Енге» – собственного амбара. Эту жадную привычку старика Золотухина Леонид Леонов именует «жалкой утехой»[2, с. 571], выражая презрительное отношение к своему герою. Хранимый в амбаре «заблаговременный» гроб выступает зловецким символом близости золотухинского конца, таящегося в беспринципности и нравственном релятивизме этого «собственника».

Несмотря на четко просматривающееся различие духовных устремлений героев-«собственников» и представителей других характерологических типов, прежде всего, персонажей коллективистской направленности, Л. М. Леонов не считает нужным показывать их открытую борьбу (исключение составляет поединок Кнышева и маленького Вани Вихрова). Повествователь играет роль скупого информатора, от которого читатель узнает о незаметной смерти Золотухина, обнищании Кнышева, тюремном заключении Заварихина. Эти факты даны без разъяснения причин итоговой несостоятельности героев: Леонов предоставляет право самой логике истории низвергнуть собственников с искусственно воздвигнутого ими пьедестала.

Литература:

1. Киселев К. Л. Типология характеров в романе Л. Леонова «Вор»// Культура и письменность славянского мира: Сборник материалов научной конференции. 24 мая 2004 года. – Смоленск: СГПУ, 2004. – Т. 4. – 240 с.

2. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1984. – 736 с.

3. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. Т.3. – М.: Художественная литература, 1982. – 614 с.

4. Крук И. Т. Леонид Леонов: Очерк творчества. – Киев: Изд-во при Киевском ун-те, 1985. – 207с.
